

Александр Валентинович Амфитеатров

Черт

Александр Валентинович Амфитеатров

Черт

Аннотация

«Курьерский поезд мчал меня из Вены в Россию. Я взял путь на Краков, Львов и Волочиск. Сверх обыкновения, пассажиров ехало не много. Я оставался в купе один до самого Прэрау, где северная дорога императора Франца-Иосифа сходится с линией на Прагу. В Прэрау ко мне подсел попутчик, лица его я не мог хорошо разглядеть, – в вагоне стемнело, а когда в потолке купе вспыхнул белый полушар электрического фонаря, спутник мой уже вытянулся во всю свою длину на свободном диване и громко храпел, укрытый с головою куньею шубкою. По шубке этой я решил, что мой дорожный компаньон – поляк из Галиции: немцы и чехи таких не носят. В Прэрау „поляка“ провожала целая свита молодых людей, весьма почтительно обнаживших головы, когда поезд тронулся. Значит, особа не простая...»

Александр Амфитеатров

Черт

Из житейских встреч

Курьерский поезд мчал меня из Вены в Россию. Я взял путь на Краков, Львов и Волочиск. Сверх обыкновения, пассажиров ехало не много. Я оставался в купе один до само-го Прэрау, где северная дорога императора Франца-Иосифа сходится с линией на Прагу. В Прэрау ко мне подсел попутчик, лица его я не мог хорошо разглядеть, – в вагоне стемнело, а когда в потолке купе вспыхнул белый полушар электрического фонаря, спутник мой уже вытянулся во всю свою длину на свободном диване и громко храпел, укрытый с головою куньею шубкою. По шубке этой я решил, что мой дорожный компаньон – поляк из Галиции: немцы и чехи таких не носят. В Прэрау «поляка» провожала целая свита молодых людей, весьма почтительно обнаживших головы, когда поезд тронулся. Значит, особа не простая.

Под Краковом незнакомец проснулся и минут пять зевал так громко и широко, что я начал было серьезно опасаться за целость его челюстей. А тут еще навернулся в память старинный стишок на зеваку.

Во время оно
Кит проглотил Иону;

Не ты ль, Никита,
Проглотил кита?

Чтобы скрыть невольную улыбку, я прильнул лицом к окну и внимательно вглядывался в предразсветные сумерки, пока не привел себя в достаточно серьезное настроение. Оборачиваюсь наконец, – попутчик мой сидит, опершись покавалерийски, руками на колена, и любопытно смотрит на меня яркими глазами. Необычайная острота его взгляда поразила меня. Незнакомцу было на вид лет сорок пять, пожалуй, даже слишком; лицо – очень измятое жизнью, некрасивое и мало симпатичное, но запечатленное умом необыкновенным. В толпе вы заметили бы и выделили бы это лицо из десятков тысяч: настолько характерны были выпуклости лба у висков и крепкий хищный рот, с выдавшимися вперед челюстями. Незнакомец улыбнулся: ни у кого ни раньше, ни позже не видал я более зубатого рта – совсем волчья пасть, полная острыми резцами и клыками. Да и весь-то мой попутчик, когда оскалился в улыбку, походил на лобастого матерого волка, как изображен он Густавом Дорэ в иллюстрациях к сказкам Перро, когда облизывается на Красную Шапочку. За Краковом мы разговорились.

– Гдзе пан едзе, проше пана? – начал ликантропический спутник, учтиво наклоняя голову. Голос его был довольно мягок, но с хрипотцой, а манера говорить престранная: он точно лаял.

– В Киев.

Попутчик тотчас же перешел с польского языка на русский, или, вернее сказать, на русинское наречие. Когда я не понимал или он сам затруднялся найти подходящее к разговору слово, он переходил то на польский, то на немецкий язык.

– Вы галичанин? – спросил я.

– Н-нет... я живу в Германии... но Галиция – моя родина, по крайней мере, нравственная... мой любимый край...

Он опять оскалился, словно хотел проглотить свою излюбленную Галицию, и, замаяв разговор о себе, принялся выспрашивать меня очень быстро и очень тонко, с манерою ловкого и наблюдательного интервьюера, кто я такой, чем занимаюсь, выгодно ли литературное «ремесло» (он так и выразился) в России, какие газеты у нас больше в ходу, кого из иностранных писателей больше переводят, и кто из литературной молодежи входит в моду. С старою русскою литературою, кончая Тургеневым, он был знаком в совершенстве. О Чехове знал, хотя и не читал его. Об Альбове, Баранцевиче, Станюковиче, Потапенке, Мамине-Сибиряке и не слыхивал. От писателей разговор незаметно перескочил к литературным веяниям, к декадентам и символистам, а через них и к общему мистическому настроению последней четверти XIX века, который, наскучив тьмами низких истин, бросил в нас возвышающие обманы бредней теософических, спиритических, сатанических, родил Блаватскую и Пеладана, вы-

двинул вперед Данте Росетти и пре-рафаэлитов, и воцарил над сливками парижского и лондонского общества – здесь буддийского ламу, там – Вельзевула средневековых шабашей, тут – бичующего себя четками трапписта... В России тогда эти веяния были еще внове, чуть зарождались, на западе же фантастическая эпидемия свирепствовала уже широко и настойчиво.

– Наклонность современного общества к необыкновенному, – сказал незнакомец, нагибаясь ко мне и светя мне прямо в глаза своими глазами-огоньками (при этом меня обдало тонкими английскими духами), – наклонность к необыкновенному смущает многих. Друзья государственного прогресса, работники практической цивилизации видят в европейской эпидемии супернатурализма зловещий признак реакции, поворота чуть не к средним векам. Я, конечно, не решусь оспаривать реакционного характера всех этих учений и увлечений. Папство и полицейское государство всегда ехали на черте и на чуде, как на своих боевых конях. Но я не придаю современному супернатурализму серьезно влиятельного значения. Двести лет реалистического мышления нельзя заслонить ни козлиным хвостом сатаны с брокенского шабаша «в первый раз по возобновлении», ни медными божками с Тибета. Просто: мы немножко пересолили с реалистической рассудочной последовательностью, устали, засохли и, так как человек, даже самый прозаический, всегда эстетик по натуре – ему захотелось, наконец, сверхъестественно-

го дивертисмента... В наше время массы и личности, их составляющие, сделались удивительно похожими друг на друга. Прежде как-то было, что масса — одно, личность — другое, а теперь они одно и то же. Я говорю про их психологию. И вот сколько я ни наблюдал отдельные экземпляры увлечения сверхъестественным, ни разу я не видал такого увлечения в чистом виде, без скептической примеси: два века реалистической дисциплины сказываются, как видите! И, в общем, человек, пока не сошел с ума, гораздо легче разуверяется в необыкновенном, чем решается ему поверить... У меня близ Черновиц есть приятель — помещик, который, под особо-фантастическим настроением, вообразил себя своего рода Пигмалионом и готов был клясться, что его любит мраморная статуя... описывал даже свои свидания с нею... и статуя эта была вовсе не невинная и добродушная Галатея, но вампир какой-то... он весь изсох во время этой дикой иллюзорной любви, стал кашлять кровью... И что же? Год тому назад встречаю его в Берлине: здоров, как бык, женат на толстейшей немке, спорит о табачной монополии и ругает все необыкновенное, как прусский фельдфебель... Ха-ха-ха!..

— На эту тему есть, помнится, красивый рассказ у Захер-Мазоха, — заметил я.

Мой собеседник внимательно взглянул на меня.

— Может быть... не помню... А у вас читают Захер-Мазоха?

— Очень любят. И его и Эмиля Францоza.

– Кто вам больше нравится?

– Разумеется, Захер-Мазох. Незнакомец одобрительно закивал головою:

– И мне тоже. У вас есть вкус. И мне тоже... Он задумался.

– Скажите, – возобновил он разговор, – не замечали вы, что у каждой необыкновенной истории есть непременно два оборота, как у медали? Так – трагедия, так – водевиль. Так величаво – так глупо и пошло. Впрочем, – улыбнулся он, – иначе и быть не может: таков и сам отец всей сверхъестественной лжи – дьявол: то Сатана Байрона и Мильтона, то смешной чертик уличного Петрушки... Вы любите истории с чертями?

– Как вам сказать? Равнодушен к ним.

– Я расскажу вам случай, где черт играл весьма трагическую роль и вел себя чертовски, хотя и горько поплатился за это...

Место действия здесь – на невысоких галицийских холмах, между которыми несет нас поезд.

Время, лет сорок, много пятьдесят тому назад. Я мог бы представить вам живых свидетелей происшествия.

Недалеко от Коломыи есть фольварк Цехинец. В ту пору он принадлежал пану... ну, положим, хоть Висловскому, помещику не из самых крупных, но с хорошим достатком и большим весом в округе. Жил и правил хозяйством Висловский по-старинному – настоящим польским патриархом-феодалом, но человек был добрый, с хлопами ладил и даже ро-

ковой 1840 год, когда столько галицийских панов погибло под ножами и в пожарах народного восстания, Висловскому не отозвался лихом. Память его и до сих пор в почете и между поляками, и между русскими. Висловский давно уже вдовел. Жил он в своем фольварке вдвоем с дочерью Стефою – шестнадцатилетнею красавицей, пышною и дикою, как лесной шиповник. Панну Стефу только что просватали за молодого графа, скажем, к примеру, Стембровскаго, в горы, верст за двести от Цехинца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.